

С. Ч. Лим

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В УНИВЕРСИТЕТАХ ЯПОНИИ (1918–1932)

В статье рассматривается история (1918–1932 гг.) демократического движения в престижных императорских университетах Японии, известных лояльным отношением к государству в эпоху Мэйдзи, но впоследствии под впечатлением народных бунтов обратившихся к критике властей. Движение проявилось в двух взаимосвязанных формах – как просветительская деятельность либеральных профессоров и как студенческий протест. Кризисы послевоенных лет привели к резкому ухудшению положения выпускников вузов, и реакцию на это впервые в истории Японии можно охарактеризовать как студенческое движение не только за переустройство общества, но и за расширение университетской автономии и свободу научных исследований.

Ключевые слова: Япония, демократия, студенческое движение, Синдзинкай, Гакурэн

Демократическое движение в университетах Японии после Первой мировой войны включало два основных компонента – студенческий и академический (научно-педагогическая среда), связанных друг с другом: прогрессивно мыслящие профессора были инициаторами протестного движения, студенты поддерживали их и затем шли дальше, самостоятельно выбирая путь политической борьбы в поддержку обездоленных слоев населения и становясь радикальными ее участниками.

Как пишет Г. Смит, риторика президента США В. Вильсона о том, что мир спасен для демократии, оказала значительное влияние на интеллектуальные круги японского общества, другим идеологическим наследием стала «большевистская революция 1917 г.» – интеллектуалам она казалась угрожающей, но, в итоге, ее идеологические последствия повлияли на японский радикализм (и, как следствие, на студенческое движение) гораздо сильнее, чем упоение «демократией Вильсона»¹.

Все тяготы послевоенного экономического кризиса в Японии легли на народные массы, ответившие на это подъемом забастовочного движения. Рисовые бунты голодных крестьян и горожан 1918 г., вдохновленных известиями о победе русского пролетариата в 1917 г., побудили к активной борьбе против империалистического произвола все демократические силы общества, в т.ч. университетское сообщество². Активизировалось и социалистическое движение в Японии, и его инициаторами стали университетская интеллигенция и студенческая молодежь³.

¹ Smith 1972: 31.

² I kazaki 1985: 47.

³ Японская рабочая группа почти на 2/3 состояла из тех, кто в молодости участвовал в студенческих обществах. – Синдзинкай (新人会 – Общество новых людей) Токийского императорского университета или Кэнсэцуся домэй (建設同盟 – Лига строителей) частного университета Васэда. Totten 1966: 140.

«Большевистская революция обратила внимание японских интеллектуалов на необходимость поиска новых подходов к решению проблем крестьян и рабочих в индустриальной экономике»⁴.

Социально-экономические последствия эволюции высшей школы Японии в послевоенный период

История университетского сообщества Японии начинается в 1896 г.⁵, когда правительство Мэйдзи приступило к созданию системы императорских университетов для выполнения двух основных задач: обучение студентов-специалистов и научные исследования с аспирантами. Это способствовало изменению смысла образования: от традиционного стремления учащихся к самосовершенствованию – к подготовке кадров для быстрейшего решения задачи модернизации страны.

Одним из первых получил новый статус императорского Токийский университет (сокр. 東大 – *Тодай*)⁶, что вплоть до конца 1920-х гг. давало его выпускникам гарантию блестящей карьеры⁷. Фактически до 1893 г. выпускник *Тодай* мог стать правительственным чиновником без сдачи государственного экзамена для гражданских служащих⁸.

Особое место в системе образования занимали немногочисленные элитные высшие (подготовительные) школы (*кото гакко*), в частности, Первая высшая школа (Токио), Третья высшая школа (Киото). Выпускники этих школ получали гарантированное право на поступление в императорские университеты (до конца 1920-х гг.).

Таблица 1. Система высшего образования в Японии (1918–1930-е годы)⁹

Уровень престижности	Высшее учебное заведение (1918–1930-е годы)	
Высший	Университеты (<i>дайгаку</i> 大学) – 3 года обучения	Императорские университеты (<i>тэйкоку дайгаку</i> 帝国大学) – поступали только выпускники элитных высших школ (среднее образование)
Средний		Частные университеты (<i>сирицу дайгаку</i> 私立大学) – могли поступать выпускники средних школ
Высший	Высшие школы (<i>кото гакко</i>) – 3 года обучения (подготовительная ступень для поступления в университеты)	
Низший	Профессиональные школы (<i>сэммон гакко</i>) – педагогические и технические, давали возможность поступления в университеты (кроме императорских)	

⁴ Marshall 1992: 81.

⁵ Токийский университет (основан в 1874 г.) в 1896 г. получил статус императорского.

⁶ Narita, Terasaki 1961: 31; Inaoka, Itoya 1961: 13–14.

⁷ Smith 1972: 17–18.

⁸ Ito 2002: 122–123. В 1894–1901 гг. такие люди составляли 60% высших чиновников страны, в 1901–1926 гг. – 92% вице-министров финансов, внутренних дел, юстиции, образования, железных дорог, коммуникаций, торговли и сельского хозяйства, иностранных дел. – Marshall 1992: 46.

⁹ Inaoka, Itoya 1961: 13–20; Marshall 1992: 81; Ito 2002: 106.

Указ о высшей школе в 1918 г. ввел новую систему специализации учебных программ. До этого существовало несколько направлений: право, литература, наука, инженерия, медицина. В новой системе специализация имела только два направления: естественное (естественные науки, инженерия и медицина) и гуманитарное (право и литература). К. Ито отмечает, что это был определенный шаг к демократизации образования, попытка решения эгалитарной задачи: объединить конкурентоспособных студентов-инженеров и медиков с менее востребованными студентами-естественниками, а юристов с литераторами. Правительство исходило из того, что специализация учащихся будет определяться в процессе обучения на основе их способностей и формирующихся интересов, а не из карьерных побуждений. Специализация, выбранная студентами еще в *кото гакко*, продолжалась и в университетах¹⁰.

Главным в содержании образования в *кото гакко* было интенсивное изучение языков. В целом языковой подготовке была посвящена половина учебных часов. Конечно, иностранные языки нужны были для последующего изучения западных технологий в университетах, а изучение традиционных японского и китайского языков опиралось на классические конфуцианские тексты. Все это требовало постоянной зубрежки, что отвлекало учащихся как от творческого осмысления окружающего мира, так и от собственно естественных наук. С другой стороны, языковое обучение традиционно было основано на переводах иностранных текстов, поэтому японские студенты хорошо *знали*¹¹ литературу и философию, особенно немецкую¹². Учащиеся *кото гакко* составляли неотъемлемую часть представителей студенческого движения в Японии.

Высочайший рескрипт об образовании, изданный в 1890 г. и действовавший до 1945 г., определял основу формирования общественного сознания, устанавливая в системе образования господство правительственной идеологии на базе догматов конфуцианства и абсолютизации власти монархов. Высшее образование было направлено на решение государственных, а не общественных задач, на подготовку *технических специалистов* (бюрократов) для будущего японской *нации*, но не для народных масс¹³. С другой стороны, как отмечает Т. Мацумото, на рубеже XIX–XX вв., когда страна достигла уровня индустриальной державы, а японская армия одержала первые победы в японо-китайской и особенно японо-русской войне, университетская молодежь постепенно перестала считать себя обязанной служить только государству и в 1920-е гг. стала увлекаться литературой и искусством в личных интересах¹⁴.

Говоря о реакции японских молодых интеллектуалов на государственный контроль содержания высшего образования и на традицион-

¹⁰ Ito 2002: 106–110.

¹¹ Скорее запоминали, чем осмысливали.

¹² Ito 2002: 107–108.

¹³ Smith 1972: 33–34.

¹⁴ Matsumoto 1979: vi–vii.

ные методы преподавания, К. Ито привел интересные данные о распространении теории квантовой механики среди студентов, которые не собирались связывать свою жизнь с точными науками. Такой интерес, а также популярность теории относительности Альберта Эйнштейна свидетельствуют о революционном, творческом научном мышлении, которое, в свою очередь, пробуждало и политическое, и социальное осознание роли человека в обществе и роли науки в изменении общества¹⁵.

С другой стороны, необходимость подготовки высококвалифицированных специалистов заставляла правящие круги давать университетам относительную свободу. Ректор Токийского университета имел статус министра и назначался министерством образования, а профессора числились на службе у императора. Они имели право выбирать ученый совет, представленный как элемент университетской автономии, но одновременно служащий удобным инструментом для государственного контроля за профессурой. Такая жесткая государственная опека вызывала критику со стороны интеллектуального сообщества страны, что заставило правительство в 1893 г. немного расширить права ученого совета. Постепенно растет и число императорских университетов: к 1940 г. их было уже девять – в провинциях Киото (1897 г.), Тохоку (1907), Кюсю (1911), Хоккайдо (1918), Осака (1931), Нагоя (1939), а также в японских колониях Кореи (Сеул, 1924) и Китая (Тайбэй, 1928)¹⁶.

В систему вузовского образования, кроме императорских университетов, стали входить и частные заведения. В первые годы эпохи Мэйдзи частное высшее образование было продолжением учебных заведений (*сидзюку* – 私塾), существовавших еще в эпоху Эдо. Самый известный частный университет Васэда появился в 1902 г. на основе Токийской частной профессиональной школы. Известная с 1875 г. частная религиозная школа в Киото стала университетом *Досися* (同志社大学)¹⁷. После массовой демонстрации студентов частных вузов у стен парламента в 1914 г. против элитарного положения императорских университетов правительство с 1918 г. переходит к сокращению привилегий Токийского императорского университета. Постепенно уравниваются права выпускников всех типов вузов при прохождении экзаменов для поступления на гражданскую службу, а также сокращается роль профессоров *Тодай* как государственных экзаменаторов будущих чиновников¹⁸.

В период недолговечного улучшения внутренней экономической конъюнктуры многие выпускники императорских университетов стали выбирать карьеру в частном бизнесе, так как он выглядел и престижным, и перспективным с точки зрения заработка, и был не столь жестко ре-

¹⁵ Ito 2002: 118.

¹⁶ Ikazaki 1985: 11, 16; Inaoka, Itoya 1961: 14-15.

¹⁷ Inaoka, Itoya 1961: 17-20.

¹⁸ Marshall 1992: 91–92. Если в ранний период представители академического круга *Тодай* играли значительную роль в определении государственной политики, то при усилении влияния бизнеса и парламентских партий потребовалось расширить интеллектуальную базу, чтобы она отвечала их интересам. – Ibid.: 93.

гламентирован по сравнению с порядком жизни государственных чиновников. Из 9443 выпускников Токийского императорского университета 1923 г. только 30% выбрали государственную службу (18,7% в администрации, 11,1% судьи или государственные адвокаты); 9,2% стали частными адвокатами, 32,4% устроились в частные банки и крупные фирмы, 28,6% занимали позиции в бизнесе¹⁹. Переизбыток специалистов и вытекающие отсюда проблемы трудоустройства заставили выпускников устраиваться в мелкие и средние частные фирмы – особенно это касалось выпускников новых промышленных и торговых факультетов. Выпускники императорских вузов были в лучшем положении – они шли в большой бизнес. Так, например, шанс на хорошую карьеру у юристов – выпускников этих университетов был в 10 раз выше²⁰.

В 1918 г. министр образования Т. Накахаси представил парламенту план создания и расширения высших учебных заведений. Это был самый амбициозный план японского государства в межвоенный период: через 6 лет было запланировано открыть 10 высших школ, 6 высших технических, 4 высших сельскохозяйственных, 7 высших коммерческих, 1 школу иностранных языков, 1 фармацевтическую школу и 4 новых факультета в императорских университетах. 5 медицинских и 1 коммерческий колледжи должны – преобразовать в университеты, а 6 факультетов императорских университетов – расширить. Росту числа университетов и студентов способствовал Указ об университете 1918 г., повышающий статус частных вузов, которые до этого назывались специализированными учебными заведениями, до статуса университетов (хотя и менее престижных фактически)²¹. Необходимость расширения университетского образования правительство объясняло тем, что увеличивалось число выпускников высших школ среднего образования (*кото гакко*), которые стремились поступить в университеты. Если в 1895 г. насчитывалось 1170 выпускников *кото гакко*, то в 1915 г. – 20 852 человека, а к 1925 г. прогнозировался рост до 30 тыс. чел.

Таблица 2. Рост численности высших учебных заведений (1908–1933 гг.)²²

Год	Высшие учебные заведения			Число студентов	Рост за 5 лет, %
	Университеты (<i>дайгаку</i>)	Профессиональные школы (<i>сэммон гакко</i>)	Высшие школы (<i>кото гакко</i>)		
1908	3	65	8	46 504	
1913	4	86	8	53 188	14
1918	5	96	8	65 180	23
1923	31	121	25	106 698	64
1928	40	153	31	165 885	55
1933	45	171	32	181 455	9

¹⁹ Windolf 1997: 166.

²⁰ Narita, Terasaki 1979: 56.

²¹ Ito 2002: 124.

²² Marshall 1992: 81.

С 1919 по 1929 г. количество студентов выросло в два раза. Это дало несколько важных результатов в 1920-х – начале 1930-х гг. Во-первых, не стремясь участвовать в бессмысленной конкуренции за более высокие оценки, студенты начинают посвящать свое время интересующим их проблемам. Вместо того чтобы посещать скучные лекции, начинают читать книги любимых авторов по точным наукам, философии, политическим и социальным наукам. Во-вторых, политика расширения вузов, рассчитанная на удовлетворение потребности развивающейся экономики Японии в грамотных специалистах, в условиях экономических депрессий 1920–1930-х гг. привела к серьезной проблеме безработицы среди выпускников университетов²³. Изменился и социальный состав студенчества – за счет увеличения числа выходцев из семей бюрократии и специалистов, представлявших новый средний слой японского общества. Они постепенно вытесняли молодежь из среды консервативных семей помещиков и предпринимателей. К 1929 г. мечты о блестящей карьере времен Мэйдзи полностью развеялись, поменялись и настроения студентов. Так, в провинциальном Тохокском императорском университете появляются мальчишки-марксисты (и истинные, и просто по названию); новая литературная молодежь, собравшаяся в различные группы вокруг журнала «Гротеск», или Общества изучения русской литературы, и т.д. Все они не имели ясных перспектив в жизни²⁴.

Морито Тацуо – бывший профессор Киотского университета, уволенный за статью о П.А. Кропоткине, говоря о месте университетов в «истории культуры», указывал, что университет стал ведущим институтом капиталистического и милитаристского правительства, хотя и успел сыграть славную роль в переходе Японии от феодального общества к капиталистическому (до тех пор, пока капитализм означал новый мир, новый идеал и новую культуру после феодализма). Одзусака Хидео определил план расширения как основную причину студенческих беспорядков: «Нынешняя система образования – система массового производства, и отношения учителя и ученика – не более чем обмен *знаний на зарплату*. Доверительных отношений между учителями и студентами можно ожидать только в исключительных обстоятельствах»²⁵.

Волнения студентов начались из-за ухудшения материального положения, особенно после тяжелого экономического кризиса 1929 г. Для многих из них становится проблемой обеспечить себя питанием и жильем, особенно в столице. Еще больше их беспокоила перспектива стать безработными после выхода из стен вузов: если в 1923 г. уровень трудоустройства выпускников составлял 81%, то в 1925 г. – 65%, в 1931 г. – 37%. Пройдя через 17 напряженных лет учебы (включая школьные годы), выпускник оставался без всяких перспектив на будущее, особенно безнадежным было положение бакалавров гуманитарных наук. Эконо-

²³ Ito 2002: 126–127.

²⁴ Narita, Terasaki 1979: 55–56.

²⁵ Ito 2002: 128–129.

мический и психологический стресс студентов достиг пика в начале 1930-х гг., что привело к волне беспрецедентных по масштабам бунтов – годы с 1928 и примерно до 1932 г. стали периодом постоянных студенческих волнений. Ранее студенческое движение не имело такого радикального характера, представляя собой больше движение за студенческое самоуправление²⁶. Студенты в 1920-е гг. создали «культуру мятежа», беспорядки в учебных заведениях, «персонализм» и марксизм²⁷.

Таким образом, в 1920–1930-е гг. существенно ухудшилось положение университетских выпускников в японском истеблишменте, что привело к организованной активности университетской молодежи – молодых преподавателей и студентов. Более или менее тесная взаимосвязь в их борьбе обеспечивалась двумя главными условиями, характерными для Японии в межвоенный период. Во-первых, если европейские университеты располагались в изолированных и спокойных городах, то японские императорские и частные университеты были сконцентрированы в крупнейших городских центрах (особенно в Токио), что неизбежно вело к взаимодействию учащейся молодежи и всех демократических сил страны в борьбе за прогрессивные реформы. В 1934 г. в двух основных мегаполисах сосредоточилось 3/4 студентов: 57% в районе Токио – Йокогама, 18% в районе Киото – Осака – Кобэ. В 1934 г. в Токийском императорском университете училось 8050 студентов, в Киотском императорском университете (*Kёдай* – 京大) – 5565 студентов, что вместе составляло 1/3 студенчества страны. Во-вторых, быстрая модернизация страны привела к росту числа университетов, колледжей, а значит, и числа студентов. К концу 1920-х гг. возникла проблема «интеллектуальных безработных» – особенно на фоне больших ожиданий молодежи при поступлении в вузы. Г. Смит объясняет появление студенческого радикализма разочарованием молодых людей, вызванным обманом ожиданий и утратой былого «элитизма» наиболее престижных университетов. Если раньше престиж вузов был обеспечен тем, что студенты там учатся, а профессора ищут истину, то к концу 1920-х гг. студенты осознали, что школы и университеты не что иное, как органы государственного контроля – такие же, как армия или полиция²⁸. На факультетах, за исключением нескольких красных профессоров (*сэкисоку кёдзю* – 赤色教授), все являются просто сторожевыми псами и обучают будущую высшую бюрократию, – таково мнение ученого-марксиста Омори Ёситаро. Таким образом, в период Мэйдзи (1868–1912) университеты, особенно императорские, были необходимым органом, подготавливавшим «ассистентов» в служении с четким соблюдением субординации и подчинением новому правительству и бизнес-сообществу, но уже в 1920-е гг. ситуация изменилась кардинально²⁹.

²⁶ Smith 1972: 214–215.

²⁷ Ito 2002: 131

²⁸ Smith 1972: 17–20.

²⁹ Marshall 1992: 89–90.

Положение университетской интеллигенции и ее роль в протестном движении в Японии в 1918–1932 годах

Правительство Мэйдзи, стремясь создать современное индустриальное общество, через систему высшего образования формировало новые группы национальной элиты: офицерский корпус армии западного образца, высшую гражданскую бюрократию, сообщество капиталистов и промышленных управленцев и парламентские партии, получившие некоторую часть власти и создавшие особый тип политических функционеров. С другой стороны, государство меньше контролировало процесс формирования академического сообщества – профессоров, философов, становящихся инициаторами борьбы за университетскую автономию и академическую свободу³⁰. При демократии Тайсё (1912–1926) профессора пользовались свободой выражения в прессе своих научных взглядов, которые затем широко обсуждались в стране³¹.

В эпоху Тайсё основными идеологами либерализма выступили профессора Токийского императорского университета: Ёсино Сакудзо с идеей «демократизма» (*мимпонсюги* – 民本主義), Минобэ Тацукичи – с «гражданской политикой» (*минсэйсюги* – 民政主義: император – орган государства, но правит в интересах всей нации), Онодзука Кихэйдзи – с «демократией народа» (*сюминсюги* – 衆民主義), Одзаки Юкио – с «принципом общественного мнения» (*коронсюги* – 公論主義, или *ёронсюги* – 輿論主義). Их основная идея касалась роли народа в государстве на основе Конституции Мэйдзи, реставрировавшей императорскую власть, с необходимостью ведения «человекоориентированной политики» (*минсюхонъи но сэйдзи* – 民衆本位の政治)³². Таким образом, можно согласиться с мнением В.В. Совастеева о «демократизме» С. Ёсино и его коллег: они отрицали демократию Запада, «которая несла в себе опасность вступить в противоречие с конституционным строем Мэйдзи, основанным на принципе суверенитета императора»³³.

В послевоенный период положение университетских «интеллектуалов» ухудшается. Число преподавателей императорских университетов увеличилось – в основном за счет научных сотрудников, доцентов и преподавателей, у которых было меньше шансов получить профессорские должности, которые обеспечивали бы им правовую защиту и более широкие социальные гарантии. Но, с другой стороны, отсутствие правовой безопасности давало им большую интеллектуальную свободу, независимость от своих консервативных наставников-профессоров³⁴.

Государственная опека императорских университетов привела к их академической рутинности, консерватизму, бюрократизму. В областях науки и техники идеи развивались относительно быстро, и появилась

³⁰ Ibid: 3–4.

³¹ Tenaga 1962: 38–39.

³² Inaoka, Itoya 1961: 30–31.

³³ Совастеев 2004: 42.

³⁴ Ито 2002: 130.

острая необходимость обеспечить в университетах рабочие места для молодых ученых. В императорских университетах, однако, должности продолжали занимать профессора с устаревшими взглядами, а для научной молодежи не было вакантных мест. Одним из способов решения этой проблемы стало создание новых вузов. Первым из них был Тохокский императорский университет (на северо-западе о. Хонсю), с основанием которого в 1917 г. решился вопрос создания инновационного вуза с молодыми профессорами. Позднее, в 1931 г., Осацкий университет получил статус императорского. Он тоже был ориентирован на развитие науки и техники, и в нем были собраны молодые талантливые ученые³⁵.

Обозначились два противоположных потока вестернизации интеллектуалов в Японии. Во-первых, философия киотской школы, представлявшей собой попытку сохранить и укрепить национальную идентичность в ответ на вынужденную вестернизацию. Во-вторых, японский марксизм, который частично был реакцией на социальные и экономические проблемы, вызванные поспешной модернизацией³⁶. Поэтому японские университеты, следуя традиционной конфуцианской идее о ведущей роли меритократии (образованных) в государстве, и в марксизме осознавали свое лидерство в преобразовании общества в интересах народных масс, в решении острых социальных проблем. «Марксизм предложил путь из уединенного частного мира в социальную деятельность»³⁷. Но справедливо и замечание Т. Мацумото о некритичном принятии западных культурных ценностей, что обусловило в будущем легкий переход значительной части японской интеллигенции от марксизма к японскому национализму (*японизму*) в 1930-е гг.³⁸

Усиление влияния социалистических идей в университетах, и конкретно в крупнейшем частном университете Васэда, который одним из первых выступил против милитаризации научных исследований, беспокоило правящие круги, которые начали пытаться ограничить университетскую автономию и контролировать научные исследования. Это вызвало сопротивление со стороны профессуры и студентов Васэда. Профессор Ояма Ацуо заявил, что свобода научных исследований должна касаться не только технических, но и социальных наук. Он считал, что нужно получить поддержку других вузов и рабочего класса³⁹.

С повышением статуса частных университетов после 1918 г. меняется и их роль в демократическом движении страны. К. Ито приводит мнение известного японского философа-марксиста Тосака Дзюн: если до этого времени выпускники частных университетов обеспечивали частный бизнес и являлись оппозицией власти, то теперь они стали поддерживать полуавторитарное правительство, в котором ведущие пози-

³⁵ Ito 2002: 277–278.

³⁶ Ibid: 372–373, 395.

³⁷ Matsumoto 1979: XIII.

³⁸ Ibid: VI.

³⁹ Iwakaki 1985: 54–55.

ции заняла буржуазия⁴⁰. С другой стороны, именно в стенах Токийского императорского университета появляется группа молодых профессорско-идеалистов – Ёсино Сакудзо, Фукуда Такудзо, Нитобэ Инадзо, Ояма Икуо, Такано Ивасабуру и другие, – ставших лидерами в движении за реформы в стране⁴¹. В декабре 1918 г. С. Ёсино организовал вместе со студентами университетов *Тодай* и Васэда просветительское *Общество рассвета* (*Рэймэйкай* – 黎明会), возглавившее демократическое движение за прогрессивное развитие страны, просвещение и благополучие народа с учетом национальной специфики (правительства должны действовать в интересах всего народа). *Рэймэйкай* старалось добиться своих целей путем публичной дискуссии, а не политических действий. Интересное определение дал членам общества П. Дуус: *книжные люди* (*bookish men*), считавшие, что все проблемы можно решить «пером и языком». *Общество рассвета* не имело связей ни с политическими партиями, ни с рабочими союзами и отличалось некоторым снобизмом. Главными формами его деятельности были серии лекций по текущим вопросам и их публикация в небольших изданиях⁴².

Более радикальные молодые профессора Оути Хээ, Каваи Эйджиро и Намбара Сигэру подчеркивали роль ученых в проведении социальных реформ, а не в стремлении получить высокие должности в государственной бюрократии. Либеральные профессора сумели привлечь на свою сторону и студенческие группы, что, в свою очередь, привело к политизации императорских университетов⁴³.

Сравнивая роль университетов разных типов в формировании интеллектуальной среды Японии (таблица 3), можно говорить о доминирующей роли Токийского императорского университета. Среди его выпускников были всемирно признанные писатели: Нацумэ Сосэки, Такидаки Дзюньитиро, Кикиути Кан, что способствовало усилению влияния университетского сообщества в демократическом движении страны.

Таблица 3. Высшее образование писателей и философов Японии (1902–1935)⁴⁴

Учебные заведения	писатели	философы
Токийский императорский университет	21 чел. (31%)	24 чел. (43%)
Киотский императорский университет	1 (1%)	2 (4%)
Университет Васэда (частный) в Токио	11 (16%)	5 (9%)
Университет Кэйо (частный) в Токио	6 (9%)	1 (2%)
Другие колледжи	7 (9%)	12 (20%)
Не получившие высшего образования	22 (32%)	12 (21%)
Всего	68 чел.	56 чел.

Марксизм, к 1920-м гг. ставший предметом увлечения большинства представителей университетской молодежи, привлек их внимание к

⁴⁰ Ito 2002: 127.

⁴¹ Marshall 1992: 93–94; Duus 1968: 114.

⁴² Inaoka, Itoya 1961: 42–43; Duus 1968: 114–115.

⁴³ Marshall 1992: 93–94.

⁴⁴ Ibid: 196–197.

серьезным социальным проблемам, пробудил острое чувство личной ответственности, напоминая им об обязательствах, которые они несут как представители элиты страны⁴⁵. В 1930-е гг. были переведены на японский язык философские работы Ф. Энгельса «Диалектика природы», В. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», что позволило японцам интерпретировать их основные положения в условиях своей страны. В круг интересов входила и история науки, поэтому переводились и советские работы, например, классическая статья Бориса Гессена о социальных корнях ньютоновской механики. В 1935 г. Тосака Дзюн опубликовал первую книгу о марксистской теории науки «Кагакурон» (*Теория науки – 科学論*)⁴⁶. Вольнодумство в университетах побуждало консервативные элементы в правящих кругах осуществлять жесткий контроль над ними, особенно в вопросах интеллектуальной свободы⁴⁷.

Таким образом, университетская профессура в Японии не была однородной: наряду с консервативными «интеллектуалами» были и либералы, старавшиеся втиснуть в «прогрессивные» рамки демократизма абсолютистское императорское правление с идеей согласия с мнением народных масс. Заметным было влияние более радикально настроенных преподавателей престижных императорских и частных университетов, которые пытались осмыслить идеи марксизма в условиях современной Японии. Последние оказали духовное влияние на формирование студенческого движения в межвоенный период, они же в большей степени подвергались репрессиям со стороны авторитарного государства.

Демократическое студенческое движение в 1918–1932 гг.

П. Дуус пишет, что в послевоенный период студенты императорских вузов стали меньше думать об учебных успехах, зная, что могут стать наемной интеллектуальной рабочей силой, образованным пролетариатом. Среди студентов все больше становилось выходцев из сельской местности и городского торгового сословия. Они были менее лояльны к правящим кругам и больше задумывались о социальных проблемах⁴⁸. Г. Тоттэн называет основные условия возникновения интереса студенчества к решению социальных проблем в этот период: христианский акцент на человеческое достоинство и заинтересованность в социальной работе; распространение демократии как результат «победы демократии» в войне; русская революция рабочих и крестьян; рисовые бунты в Японии в 1918 г.; ревизия в ведущих университетах, требующих большей свободы обучения, мысли, активности⁴⁹. Г. Тоттэн объясняет, что Токийский императорский университет был не просто престижным вузом, но и кузницей кадров для архиконсервативной высшей бюрократии страны, пополнявшей свои ряды выходцами из ведущих

⁴⁵ Мацумото 1979: 35.

⁴⁶ Ito 2002: 395–396.

⁴⁷ Marshall 1992: 81.

⁴⁸ Duus 1968: 118–119.

⁴⁹ Totten 1966: 140.

семей страны, а появление радикально настроенных студентов объясняется тем, что плата за обучение была низкой, а стандарты поступления – очень высокими, поэтому туда могли поступать способнейшие сыновья из бедных семей, которые на себе ощущали несправедливый контраст между богатством и бедностью. Как бы то ни было, именно благодаря выбору, а не в силу обстоятельств, студенты вступали в рабочее и крестьянское движение после Первой мировой войны. Они пожертвовали карьерой и, в некоторых случаях подвергаясь остракизму в своих семьях, посвящали себя участию в рабочем движении⁵⁰.

Студенты Токийского императорского университета, частных вузов Кэйо и Васэда первыми отозвались на события русской революции: 24 ноября 1917 г. они вместе с молодыми рабочими создали исследовательское Рабочее общество (*Рогакукай* – 労学会) в Токио и в сентябре 1918 г. – в Киотском университете. Многие участники рабочего движения Японии прошли через *Рогакукай*. В течение двух лет, например, в *Рогакукай* Киотского университета побывало около 3000 чел., и главным призывом к действию было «в народ»⁵¹.

Относительно периодизации демократического студенческого движения с 1918 по 1932 г. у исследователей нет больших расхождений.

С. Инаока и Т. Итоя выделяют четыре этапа активных выступлений студентов. На первом этапе (1918–1922) студенты престижных университетов стали выступать против политики государства и объединяться в студенческие демократические общества: *Общество новых людей* (*Синдзинкай* 新人会) в Токийском императорском университете в 1918 г. и *Гражданский альянс* (*Миндзин домэйкай* 民人同盟会) в частном университете Васэда в 1919 г. На втором этапе (1922–1926) происходит объединение студентов почти всех крупных университетов (в декабре 1922 г.) в *Федерацию студенческих обществ* (*Гакусэй рэнгокай* – *Гакурэн* – 学生連合会), на которую значительное влияние оказала Коммунистическая партия Японии (КПЯ), созданная в 1922 г. С этого времени начинается популяризация марксистско-ленинских идей о пролетариате и ставится задача практических действий в демократической борьбе. Третий этап (1927–1929) характеризуется влиянием Коммунистического интернационала и особенно его тезисов 1927 г. на организованное студенчество Японии. Одновременно усиливается и силовое давление на университетскую оппозицию со стороны японского правительства, которое все чаще проводило массовые аресты членов КПЯ, среди которых оказалось около 40% учащихся и выпускников высших школ и университетов. На четвертом этапе (1929–1932 гг.) в ответ на роспуск *Федерации студенческих обществ* (*Гакурэн*) создается студенческая группа в *Союзе коммунистической молодежи* при КПЯ для борьбы за освобождение пролетариата. В этот период начинается активная, большей частью подпольная деятельность студентов-коммунистов, выступавших за

⁵⁰ Ibid: 142.

⁵¹ ウ・ナロード (калька с русского языка). – Inaoka, Itoya 1961: 40–41, 53–54.

всеобщее избирательное право, против милитаризации кампусов и вовлечения страны в агрессивную политику японской военщины⁵².

Г. Смит в своей работе, посвященной истории *Общества новых людей* – *Синдзинкай*, определяет основные этапы студенческого движения в Японии на основе деятельности первой студенческой организации, которые почти совпадают с вышеуказанной периодизацией. Но он считает 1928 год началом периода формирования «студенческого движения», продолжавшегося до 1932 г. и ставшего «периодом хронических студенческих беспорядков» (*Гакусэй содо мансэй озидай* – 学生騒動慢性時代). Он аргументирует свое мнение тем, что до 1928 г. выступления студентов были большей частью локальными, без широкой поддержки; они больше занимались *теоретизированием* и игнорировали решение практических задач кампусов, и только с марта 1928 г. в ответ на угрозу полного подавления университетской автономии в программу действий студенческого движения были включены насущные задачи улучшения жизни студентов, защиты университетской автономии и свободы научных исследований. С этого времени, считает Смит, *Синдзинкай* не ограничивалась только просветительско-политическими целями. В период с 1931 по 1934 г. действия левых студентов в подполье и остававшихся в легальном положении инициаторов «школьных беспорядков» (*Гакко содо* – 学校騒動) были взаимосвязаны и дополняли друг друга. Но постепенно обе стороны стали снижать активность, и к 1934 г. феномен исчезает. Разрушение студенческой активности – как политической, так и неполитической, – можно рассматривать и в контексте возрождения националистической риторики и подъема японского «фашизма» в начале 1930-х гг., пишет Г. Смит⁵³.

Если говорить об истории возникновения студенческих обществ, то *Синдзинкай* организовали в Токийском императорском университете в конце 1918 г. несколько студентов из группы профессора Ёсино Сакудзо и выпускников, которые уже работали журналистами или чиновниками. Они стремились изменить «неразумное сегодняшнее привилегированное общество» и создать общество людей с новыми идеалами⁵⁴. *Миндзин домэй* (民人同盟 – *Гражданский альянс*) создали в феврале 1919 г. профессора крупнейшего частного университета Васэда вместе со студентами. Эти общества еще не имели идеологии или определенной системы взглядов, а только общие настроения, вызванные бурными событиями 1918 г. в стране. Как новые либералы, студенты потеряли надежду, что правящий класс изменит общество к лучшему⁵⁵.

В числе основателей *Синдзинкай* был Асо Хисаси, который начал интересоваться социалистическим движением еще в годы учебы в Третьей высшей школе (Киото), был знаком с судебным делом о государ-

⁵² Inaoka, Itoya 1961: 40–54.

⁵³ Smith 1972: 219.

⁵⁴ Inaoka, Itoya 1961: 40–54.

⁵⁵ Duus 1968: 119–121.

ственной измене социалиста и анархиста Котоку Сюсуй в 1911 г. Будучи студентом Токийского императорского университета, в 1914 г. он пригласил выпускников двух престижных высших школ (*кото гакко*) к участию в еженедельном дискуссионном клубе (позднее названном *Обществом среды*). Обсуждаемые участниками темы постепенно становились политическими. К окончанию университета, когда мир потрясли Февральская, а затем Октябрьская революции, Х. Асо посвятил этим событиям серию статей под общим названием «От Петра к Ленину», в которых он оспаривал господствовавшее в тот период мнение о недолговечности русской революции. Бурные публичные дебаты профессора Ёсино с членами ультранационалистического *Общества ронинов* (*Ронинкай* 浪人会) о демократии привлекали студентов почти как спортивные состязания. Это подтолкнуло Асо и других под руководством профессора С. Ёсино реорганизовать *Общество среды* в *Общество новых людей* (*Синдзинкай*) в ноябре 1918 г.⁵⁶

Под влиянием С. Ёсино и профессора университета Васэда Ояма Ацуо были конкретизированы задачи *Синдзинкай*: борьба против введения военной подготовки в высших учебных заведениях, за введение всеобщих избирательных прав, за университетскую автономию и свободу научных исследований. В марте *Синдзинкай* основал свой журнал «*Демократия*», публиковавший произведения Руссо, Толстого, Маркса, Кропоткина, Линкольна, Людвика Заменгофа, Розы Люксембург⁵⁷. *Синдзинкай* помогал рабочим организовываться, артикулировать свои требования и устраивать забастовки, требовавшие немало мужества из-за нападок ультранационалистов и угроз полицейского ареста⁵⁸.

В 1921 г. под влиянием *Общества пробуждения народа* (*Гёминкай* 曉民会) в университете Васэда была организована *Ассоциация по изучению культуры* (*Вадай бункакай* – 早大文化会) с 200 участниками⁵⁹.

Консервативные круги объединились в праворадикальном студенческом *Товариществе для содействия процветанию империи* (*Кококу досия* – 興国同志社), известное доноси на доцента Токийского университета Морито Тацуо, исследователя учения Кропоткина в 1919 г.⁶⁰

Высшей стадией студенческого движения можно считать создание в декабре 1922 г. *Федерации студенческих обществ* (*Гакусэй рэнгокай* – *Гакурэн* – 学生連合会 – 学連) и ее активную деятельность не только в университетских кампусах, но и в тесной связи с протестующим народом. В декабре 1922 г. в стенах Токийского императорского университета 200 студентов – представителей 20 токийских вузов учредили *Федерацию студенческих обществ* (*Гакурэн* 学連) на основе принципов марксизма (в сентябре 1924 г. она была преобразована в *Федерацию*

⁵⁶ Totten 1966: 141.

⁵⁷ Inaoka, Itoya 1961: 24, 44–45.

⁵⁸ Totten 1966: 143.

⁵⁹ Inaoka, Itoya 1961: 50–52.

⁶⁰ Ibid: 56–57.

студентов-исследователей общественных наук (*Гакусэй сякайка гакурэнгокай* – 学生社会科学連合会). Постепенно в боевую *Федерацию* марксистской направленности вошли *Синдзинкай* и другие студенческие общества 40 университетов страны с несколькими сотнями членов. Председателем *Федерации* был выбран Курода Хисао⁶¹.

К. Нарита и М. Тэрасаки пишут, что именно с создания *Федерации* студенческое движение становится радикальным: от демократизма эпохи Тайсё участники переходят к социализму и коммунизму, и движение носит уже политический характер⁶². К 1924 г. *Федерация* объединяла студенческие общества из 49 вузов Японии – 1500 человек⁶³.

В 1925 г. японское правительство приняло закон, запрещающий любые попытки изменить существующее положение в стране. В первую очередь он был применен в отношении студенческих групп по изучению социальных наук в Киотском университете. Последовали аресты активистов, работу которых соотносили с коммунистическим движением, а суд в Киото по их делу был направлен в первую очередь против соответствующей деятельности⁶⁴.

Правая пресса и правозэкстремистские лиги сразу же подняли шумиху вокруг деятельности *Федерации студенческих обществ*, инициировали полицейские расследования, обвиняли ее в связях с коммунистами⁶⁵. Деятельностью *Федерации* было обеспокоено и правительство, а в Парламенте проходили дебаты о постоянных манифестациях студентов и их поддержке рабочего движения. Подавление выступлений студентов, исключение их из школ и вузов только усилили активность. Многие бывшие студенты стали лидерами левого крыла профсоюзов и партии *Роното* (劳農党 – Рабоче-крестьянская партия)⁶⁶.

15 марта 1928 г. по всей Японии правительство проводит массовые аресты членов КПЯ и их сторонников (около 1600 чел.), выступавших против агрессивных войн, монополистов-империалистов, крупных землевладельцев. Половину арестованных составили студенческие активисты, среди них было 300 учащихся, пытавшихся создать одну из ветвей японского отделения Коминтерна. Властями были запрещены *Синдзинкай* и *Сякай кагаку кэнкюкай* (*Общество изучения социальных наук* – 社会科学研究会) в императорских университетах Токио, Киото, Кюсю и Тохоку. Вслед за этим под прямым нажимом властей начались увольнение левых профессоров в ведущих университетах страны. Эти события привели к тому, что университетская автономия стала просто сохранять видимость, независимость вузов была практически ликвидирована⁶⁷.

⁶¹ Inaoka, Itoya 1961: 56–57.

⁶² Narita, Terasaki 1979: 56.

⁶³ Inaoka, Itoya 1961: 81.

⁶⁴ Steinhoff 2012: 58.

⁶⁵ Inaoka, Itoya 1961: 65–66, 72–74.

⁶⁶ Austice 1931: 695.

⁶⁷ Inaoka, Itoya 1961: 24–25; Ikazaki 1985: 62–65.

В ответ на репрессии с 1928 г. происходит рост числа студентов, вовлеченных в нелегальную деятельность, и так продолжается вплоть до 1932 г. За пять лет (с 1930 по 1934 г.) было арестовано более 6000 студентов «за активное участие в социальном движении»⁶⁸. Попытки властей обуздать студенческое движение вели только к активнейшему противодействию вплоть до экстремизма (причем при поддержке либеральной середины студенчества). Но власти воспользовались нарастающим разочарованием студенчества в протестах. Вынужденные уйти в глубокое подполье, студенты больше ориентировались на сиюминутные действия и лозунги, чем прибегали к глубокому теоретическому осмыслению создавшегося положения. Все это привело к формальному следованию директивам Коминтерна, утверждает Г. Смит⁶⁹.

Власти пытались применять и мягкие средства, например, уроки морали, которые проводили шовинистически настроенные офицеры, направленные во все школы. Или же в университете Васэда финансировали изучение восточной культуры и японских институтов власти, а профессоров обязывали в лекциях настраивать студентов против «вредного влияния радикальных идей марксизма»⁷⁰.

Студенческое движение, несмотря на все меры, продолжало существовать и доставляло сильное беспокойство властям. В начале 1930-х гг. государство провело тщательное расследование причин этого и немедленно перешло к жестким мерам воздействия. От учащихся стали методично требовать отказа от своих идеологических взглядов. Этот процесс получил название *тэнко* (転向 – признание своих прежних ошибок и переход на сторону власти). Жесточайшие репрессии повлекли за собой милитаризацию кампусов, студенты в большинстве своем вынуждены были молчать, а некоторые становились националистами⁷¹.

Таким образом, на японскую университетскую интеллигенцию – как преподавателей, так и студентов – значительное влияние оказывают марксистские идеи социального переустройства страны, в первую очередь борьба за права обездоленных слоев населения, рабочих и крестьян. Ухудшение социально-экономического положения выпускников японских университетов, связанное с кризисными явлениями в экономике страны, способствует тому, что с конца 1920-х гг. организованное студенчество страны от политической борьбы переходит к решению конкретных университетских задач – к защите университетской автономии и свободы научных исследований. Но в ходе активной подготовки японской военщины к империалистическим войнам жизнь в кампусах попадает под прямой полицейский контроль, и к 1932 г. представители радикально настроенного студенчества оказались или в тюрьмах, или в глубоком подполье, а часть влилась в националистическое движение.

⁶⁸ Smith 1972: 206.

⁶⁹ Smith 1972: 206–207.

⁷⁰ Austice 1931: 695–697.

⁷¹ Steinhoff 2012: 58.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Совастеев В.В. Либерализм в Японии // Россия и АТР, 2004, № 1. С. 28–45. [Sovasteyev V.V. Liberalizm v Yaponii [Liberalizm in Japan]. // Rossiya i ATR, 2004, № 1. P. 28–45].
- Austice E.N. Japan's "dangerous" students // Pacific Affairs. 1931. Vol. 4. No. 8. P. 695–699.
- Duus, Peter. Party rivalry and political in Taisho Japan. Cambr. (Mass.), Harvard U.P., 1968. 317 p.
- Ito Kenji. Making Sense of Ryōshiron (Quantum Theory): Introduction of Quantum Mechanics into Japan, 1920–1940. A thesis presented by Kenji Ito to the Department of the History of Science in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the subject of History of Science. Harvard University. Cambridge, Mass., October 2002. 477 p.
- Marshall, Byron K. Academic freedom and the Japanese imperial university, 1868–1939. California, Berkeley and Los Angeles, 1992. 235 p.
- Matsumoto, Tomone. From Marxism to Japanism: a study Kamei Katsuichiro (1907–1967). USA, The University of Arizona, 1979. 226 p.
- Smith, Henry De Witt. Japan's First Students Radicals. Cambr. (Mass.), Harvard U.P., 1972. 344 p.
- Steinhoff, Patricia G. Japan: Student Activism in an Emerging Democracy // Student Activism in Asia. Between Protest and Powerlessness / Eds. Meredith L. Weiss, Edward Aspinall. Univ of Minnesota Press; 1 ed. (August 2, 2012). 318 p. P. 57–78.
- Totten, George Oakley, III. The Social Democratic Movement in Prewar Japan. New Haven and London, Yale University Press. 1966. 455 p.
- Windolf, Paul. Expansion and Structural Change. Higher Education in Germany, the United States, and Japan, 1870–1990. Westview Press, 1997. 278 p.
- Ikazaki Akio. Daigaku no jiti no rekishi. [История университетской автономии] Токуо, Shin nihon syppansya, 1895. 204 p.
- Inaoka Susumu, Itoya Toshio. Nihon gakusei undo. Sono rekishitekina yakuwari ga kandaeru [История студенческого движения]. Токуо, Aoki shyoten, 1961. 269 p.
- Ienaga Saburo. Daigaku no jiyu no rekishi. [История университетской автономии]. Токуо, Hanawa shobo, 1962. 265 p.
- Narita Katsuya, Terasaki Masao. Gakko no rekishi dai 4. Daigaku no rekishi. [История учебных заведений. История университетов]. Токуо, Daiichihokishuppan, 1979. 412 p.

Лим Софья Чулуновна, доктор исторических наук, PhD (Education – Hokkaido Univ.), доцент, профессор, Департамент истории и археологии, Дальневосточный федеральный университет, lim.sch@dvfu.ru

The democratic movement at universities of Japan (1918–1932)

The article examines the history of the democratic movement in the prestigious Imperial universities of Japan (1918 to 1932). In the Meiji era this universities were known for loyal attitude to the state, but popular revolt in the country forced them to criticize the policy of the authorities. The movement consists of two interrelated parts – educational activities of liberal professors, and student protest. The economic crises and depressions of the post-war period affected the sharp deterioration of the situation of University graduates, so for the first time in the history of Japan we can already talk about the “student movement”, which fought not only for the social reconstruction of society, but also for the expansion.

Keywords: Japan, university movement, democracy, student movement, Shinjinkai, Gakuren

Sofya Lim, Dr.Sc. (History), PhD (Education – Hokkaido Univ.), Professor, Department of History and Archeology, Far Eastern Federal University, lim.sch@dvfu.ru